

При удражаниях в соколе и при публичных спортивных состязаниях наши сокола-джигиты приводили в восторг окружающую публику, не только своим гимнастическим совершенством, но зачастую при исполнении некоторых особенно рискованных головоломных номеров, и той казачьей лихостью, неустранимостью, и соперничеством один перед другим, которые всегда выделяли их из среды остальных соколов. Осенью 1926 г. оставил наши ряды, преждевременно сошедши в могилу от сахарной болезни наилучший здесь кубанский сокол Максим Кравчина. В области „хореографии“ большую известность в Подебрадах и за пределами их приобрел наш экзотически-темпераментный „Крамарь“ — Дм. Крамаренко, который с одинаковым успехом танцует и в балете, и на блестящих балах, вечерах, и студенческих вечеринках, и после самого модного фокстрота или танго может мастерски сплясать укр. гоцачка, или нашу кавказскую наурскую. С 1924-го по 1926 год к нам прибыло более 30 человек нового кубанского „пополнения“ из Югославии, Болгарии и Польши. Наибольшее приехало из Болгарии по окончании там Русского с.-хов. училища. Эта была вторая по количеству, после Куб. Военного Училища, группа, которая почти вся, кроме одного поступившего на гидротехническое отделение, — записалась на агрономическое отделение академии.

С 1922-го и по 1926-ой год, пока Министерство Загр. Чехословацкой Республики еще даяло стипендии для продолжения образования эмигрантской учащейся молодежи с территории б. Российской империи, — заботами Общества Кубанцев в Чехословакии было выписано из-за границы и определено в академию 53 человек кубанцев, 5 человек было определено иными организациями. Из этих 60-ти кубанских кандидатов 7 человек на протяжении первого академического года частью перевелись в частные учебные заведения, частью не приехали из-за границы в Чехословакию. Из остальных 53 кубанцев-студентов в Украинской Академии, в 1924-м году умер в Праге от туберкулеза Бреславец Александр, согласно завещанию союженный в Пражском крематории. В 1926 году умер от сахарной болезни в Нимбургской больнице и похоронен в Подебрадах на местном кладбище другой студент-кубанец Максим Кравчина. По случаю тяжелой болезни суставного ревматизма выбыл из Академии и перевезен в инвалидный дом на Шипке в Болгарии Лисевецкий Сергей. За малоуспешность выбыл 1 кубанец. В Северную-Америку в 1925 году выехал и в данное время уже там окончил Духовную Академию Мух. Фесенко. Прослушавши первый курс, перевелись в Прагу — 2, в Брно — 1, итого — 3 кубанца. Всего по разным причинам выбыло из Украинской Академии 7 студентов-кубанцев. Из оставшихся в Академии 47-ми студентов-кубанцев с 1927 по 1929-й год уже окончили академию 31 кубанский инженер различной специальности. Кубанские инженеры, окончившие Украинскую Академию во своей специальности делятся следующим образом:

Инженеры-агрономы: 1. Н. К. Богатырев. 2. А. В. Гончаров. 3. Г. Е. Капустьян. 4. П. М. Непокучный. 5. В. В. Омельченко. 6. С. Ф. Семак. 7. М. С. Черныш. 8. П. А. Штепа.

Инженеры-гидротехники: 1. А. Барылко. 2. Ф. Битдай. 3. М. Л. Возкодав. 4. М. В. Костенко. 5. К. Г. Майгур. 6. П. А. Ткаченко. 7. Н. А. Федоров. 8. П. Т. Ярмоленко. 9. Инж.-меллиоратор М. И. Киряченко.

Лесные инженеры: 1. М. Бурьянов. 2. Т. К. Ерж. 3. В. Прохода. 4. М. Я. Телига. 5. И. Н. Шкеда.

Инженеры-экономисты: 1. Г. Ю. Бекух. 2. В. А. Донецкий. 3. С. Л. Камышан. 4. С. Т. Паныця. 5. И. Г. Ряднина. 6. С. А. Федоров. 7. Б. В. Фесенко. 8. Г. И. Черный. 9. П. М. Штанько.

16 человек кубанцев еще продолжают в Академии свое образование и дадут через 2 года, последовательно один за другим, два последних выпуска кубанских инженеров из Украинской Академии. Z.

Как некоторые терцы разрешают национальный вопрос на Кавказе.

Недавно мне пришлось присутствовать на докладе

казака — терца Б. Докладчик сделал поверхностную экскурсию в область бытовых и религиозных особенностей народов Кавказа, преимущественно мусульман и, констатируя факт неприязненного отношения этих народов к русским, как причину, вызывавшую такое отношение, указал на слишком активное вмешательство русской власти в национальную жизнь народов, на неприменное желание русской администрации заставить жить эти народы по русским законам, при наличии у мусульман своих крепких законов; отсюда он сделал вывод, что для того, чтобы успокоить и закрепить эти народы под властью России, необходимо более внимательно отнестись к быту и обычаям мусульман, дать больше простора и свободы во внутренней их жизни, ибо репрессии и жестокости, как национальная обида, видимо, не легко ими забываются.

В прениях по докладу участвовали: осетин Ч. терца-казаки З. и Е. Первый из оппонентов сделал докладчику ряд существенных поправок в описании быта Кавказских народов и сказал, что обострения отношений горцев к русским вытекались причинами национальными, социальными и просто необходимостью защиты своих очагов. При чем г. Ч., евразец, сказал, что признает необходимость единства государственного организма, но советовал русским при сношении с кавказцами осторожность и внимательность.

Терца З. также указал на схематичность доклада, даже в отношении бытовых штрихов, и, в качестве средства успокоения Кавказа, указал на необходимость больше дать свободы, шире открыть двери культуры. „Если бы нам, казакам, дали возможность свободно жить и самим сноситься с горцами, у нас с последними не было бы никаких недоразумений, ибо мы знаем, как к ним подойти, но вмешательство из центра, приводило к обострению взаимоотношений“.

Зато восхитителен был в своей циничной откровенности третий оппонент, терца Е. По словам его, на Кавказе есть такие народы, на которых никакая культура не влияет, к которым чем лучше относишься тем хуже, и что для сохранения спокойствия на Кавказе „не хватало железной руки“. „При Александре III, — сказал он, — можно было сотни верст ехать по горным дорогам, не подвергаясь нападению, а при Николае II нападения все больше и больше учащались. Русские слишком гуманно и мягко обращались со своими инородцами, на что даже указывают англичане“.

Все эти казаки, тщетно искавшие способа успокоения народов Кавказа в лоне единой России, не сказали ничего нового. Казались бы, чего проще успокоить народы Кавказа! Принай, что хозяевами Кавказа являются сами казаки и тебе не нужно будет потеть и заботиться об отыскании средств успокоения. А то ищут сами самостоятельно жившие народы, разорили их, пролили потоки крови и теперь хотят, чтобы они успокоились. Они не хотят понять, что собака-то зарыта не в том, что народы эти некультурны, что они хищники и т. д., а в том, что русские не хотят перестать рассматривать Кавказ, как „жемчужину России“. При таком определении Кавказа, конечно, попытка наивных казаков разрешить национальные вопросы на Кавказе смешна и жалка. Господин Е. по крайней мере честнее подошел к делу. Чего мол, там, козломствовать, держи в железных руках и не пушай! Россия имеет в его лице ценного присава в будущем.

Ш. Н.

Еще о последнем Жаронском концерте в Праге.

Прочитавши в № 54 „В. К.“ заметку С. Балыкина о казачьем концерте, захотелось и мне поделиться с читателями „В. К.“ своими впечатлениями. Я тоже не претендую на звание музыкального критика, а хочу лишь осветить больше некоторые моменты этого концерта и пояснить кое-что в краткой заметке С. Б.

Не одну сотню километров сделал я по ж. д. из провинции ЧСР для того, чтобы послушать хор, славящий по всему миру казачье имя. Знал, что их репертуар казачьих песен обогащен русским церковным песнопением и русской песней; однако, ехал к ним